

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Оксаны Демченко
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

МИР В ПОДАРОК
ДОКРИЧАТЬСЯ ДО МИРА
СЕМЬ ЛЕГЕНД МИРА
РОМАШКИ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ
КОРОЛЕВСКИЙ МАСКАРАД
УБИТЬ ЭЛЬФА
НЕТ ЧУЖИХ БЕД
ПРИМИ СВОЮ ТЕНЬ
ПАУТИНА УДАЧИ
БРЕМЯ УДАЧИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

БРЕМЯ УДАЧИ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д30

Серия основана в 2004 году
Выпуск 398

Художник
С. А. Григорьев

Демченко О. Б.
Д30 **Бремя удачи: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 378 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1088-0

Госпожа удача повзрослела, от нее ждут обдуманных решений и осознанной помощи в важнейших делах государства. Но, увы, упорядоченность вредна тем, чья сила как раз кроется в умении использовать случайности. Придется совмещать обязанности тайного советника, борьбу с ловцами удачи и обыкновенную семейную жизнь... И да поможет Бог сторонникам строгого порядка, пригласившим удачу в гости, но не знающим пока, чем закончится визит этой особы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1088-0
© Демченко О. Б., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

Ликра, Белолесский уезд, 5 августа

— Шарлик! — мечтательно выдохнул густой низкий голос неподалеку.

Шарль насторожился и глубже надвинул картуз. Присел, стараясь замаскироваться, и, опираясь ладонями о кочки, ужом скользнул в низкий кустарник. Голос принадлежал Нюше. Это была женщина с формами, достойными кисти ле Рюбье, который умел заполнить весь холст упругой, молодой, безупречной плотью, розовой, с этими складочками, бликами, тенями и невесть как прописанным кистью неизбежным вожделением...

— Маркиз мой ненаглядный, где ты? — чуть дальше и глуше пропел тот же голос. — Ау-у, ау-ушеньки...

Не оглядываясь, Шарль миновал опушку, добрался до перегиба холма, выпрямился и пошел в глубину леса, страхи-вая мусор с ладоней и сердито поводя плечами.

Зимой, после провала в посольстве и утраты магии, а с ней вместе — и идеальной личины оболъстителя-джинна, он некоторое время потратил на восстановление пошатнувшейся самооценки. И, как понимал теперь, подошел к этому вопросу излишне серьезно. Именно общение с Нюшей отрезвило и привело к убеждению: внешнее совершенство не главное в жизни. Пока вся эта плоть со складочками, бликами и тенями пребывает на холсте, она великолепна. Она молчит, не норовит изловить тебя и не учиняет всего прочего, столь нелепого, что даже помыслить боязно.

Шарль скользнул в узкую лощинку, которую приметил еще от опушки. Почти невольно проверил карманы: вдруг снова нитку подбросила? Или хуже — иголку: дважды он вскакивал, буквально ужаленный очередным приворотом...

Или волос свой. Или что у них тут, в Ликре, надежнее всего присушивает мужика в понимании беспросветных и безупречных дур?

Дикая, нелепая, не поддающаяся рациональному пониманию цивилизованного современного человека, Ликра еще зимой казалась совершенно чужой. Эдаким медовым печатным пряником с узором-картой рельсовых путей и нарисованными глазурию редкими крапинами городов — островков цивилизации посреди дремучей и воистину первобытной дикости, способной вызвать лишь отвращение и отрицание. Тем более для человека с его титулом и образованием, уникальным талантом мага и изысканными манерами столичного модника.

Шарль поправил любимую косоворотку, расстегнул еще одну пуговку. Задумчиво дернул короткий козырек картуза. Прищурился на солнышко и огляделся. Ближайшее отсюда глазурное пятнышко настоящего города на карте Ликры в тысяче километров к западу. Далеко...

Дикость торжествует, прет небритой щетиной багульника на низенькие железнодорожные насыпи. Ползет по лощинам пьяно поваленным ивняком. Выламывается в шаманском танце кривыми стволиками вековых лиственниц. Древних, но запросто обхватываемых пальцами, так они немощны и чахлы. Дикость зудит роем мошкары, откликается голосистой Нюшке непуганым лесным эхом. И звенит синей, ледяной ключевой водой. И раскрывается над головой небом, какого не увидеть в цивилизованной стране, — девственным, словно здесь все еще длится первый от создания мира полдень и никакие грехи людские еще не сотворены. Оказывается, дикость можно и полюбить. Иногда. В разумных дозах. Неиспорченную. Шарль потянул носом и сосредоточенно зашагал в глубь лощины, чавкая сапогами по жиреющей болотине.

— Ну и скот ты, мусье, вежливо выражаясь, — вздохнул знакомый бас из недр ивняка.

— Вылезай, дикий злодей, — весело оскалился бывший джинн. Остановился, победно сверкнув глазами и подбоченясь. — Мой франконский нюх весьма хорош. В отличие от твоего самогона. Это пойло недостойно даже самого послед-

него ликрейского скота, и тем более оно не будет уродовать людей в моем поезде.

Для надежности Шарль вынул пистолет из кармана, демонстративно оглядел и снова убрал. В зарослях вздохнули надрывно, уже на три голоса. Меньшего числа и не следовало ожидать...

— На еловых опилочках, — попробовал выгодно представить продукт кочегар Лексей, бурый и страшный, как медведь. — Дух-то какой, натура!

— Дух изрядный, — согласился Шарль. — Иди, сомелье ты опилочный. Иди к Корнею и расскажи ему о натуре и всем прочем. Заодно поясни, что ты днем делаешь здесь, вдали от паровоза и профилактики котла.

— Управлюся, успею, — отмахнулся Лексей, хотя сопел уже отчетливо виновато: Корнея, пожилого начпоезда, он уважал. Но самогон уважал еще крепче. — Змеевик не тронь, ирод! Ужо подловлю ночью темной, ужю припомню тебе баталию при Бродищах, где наши ваших поклали сто лет назад.

— Мы, помнится, имели дискуссию по указанному вопросу, — ласково улыбнулся Шарль. — Итог ее далек от исторической правды, и мне он по душе пришелся.

— Магиею всяк охальник сгубит честного трудника, — обреченно укорил Лексей, засопел еще тяжелее и завозился, шаря во мху, собирая в мешок нечто звякающее и брякающее.

Припомнив себя побитого, он всякий раз укорял инженера магией, поскольку иных причин поражения принять не мог: не позволяла гордость. Кочегар еще немного постоял, склонившись, выдохнул со всхлипом — и выгрузил звякающее назад... Ссутулился, двинулся в сторону опушки, все ускоряя шаги. Следом молча и понуро заторопились двое неказистых синеносых мужичков — беспамятные обитатели хвостовых вагонов. Шарль проводил взглядом всех. Подождал, вслушиваясь и хмурясь, пока стихнут в удалении шаги. И скользнул в заросли.

Со смесью возмущения и восхищения оглядел аппарат. Мятая жесьть, разнокалиберные стеклянные и медные трубки, тут подмотано пенькой, там подвязано конопляной веревочкой...

— Если мсье Лексея в магическом вихре небывалой силы

перенести голым в самое сердце аравийской пустыни, — буркнул под нос франконец, выбирая палку потолще для уничтожения зловещего аппарата, — он и там помрет не по причине жажды, но исключительно от отравления сим зельем... Из чего соорудил? Ему цены нет как инженеру. Жаль, дар расходуется всякий раз на одно и то же мерзостное творение.

Под ударом палки стекло брызнуло мелким крошевом осколков. Медные трубки Шарль выдрал по мере сил и возможности. Отнес к болотцу, долго рассматривал и жадничал бросить: полезная вещь, поди потом добудь... Но спрятать от Лексея еще сложнее. Шарль сделал над собой усилие и забросил трубки в омут. Отфыркался, тряхнул гудящей головой. Сивуха на еловых опилках воняла до изумления мерзостно и обладала непомерным коварством: умудрилась обеспечить похмелье во всей его красе даже франконцу, который не пил ни капли и отравился одним лишь вдыханием концентрированного смрада... Пришлось выбирать на пригорок и долго стоять, дыша и разбавляя яд свежим воздухом.

— Касатик, экий ты нескладный. Середь дня от дела лытаешь, — укорил хрипловатый голос, выговаривая слова нарочито старомодно и явно с долей насмешки.

Шарль обернулся, удивленно хмурясь. До города тысяча километров. До поселка при станции — четыреста. До малой заимки лесника — шестьдесят. Нет в этом лесу людей! И незаметно подойти сюда, к высокой гривке над лощиной, невозможно. Пихты чахоточные вон — мухомора спрятать не в силах, край шляпки торчит... Не зря свой зловещий аппарат Лексей собрал в лощине при болотце, хоть так пряча от бдительности инженера де Лотьэра: человека неместного по рождению, но укорененного в ремпоезде волей всемогущего Платона Потаповича Пенькова, грозного железнодорожного божества всей необъятной Ликры. Десять лет каторги Сам одним своим словом заменил на сходный срок полезного труда по ремонту путей...

Уже с первого взгляда возникшая поодаль женщина настаивала. Пожилая, без мешка или кузовка за плечами. Ягод не собирает, грибов не разыскивает. Одна малая корзинка висит на сгибе локтя, а в ней мох, цветы да коренья непостижимо странной формы, незнакомые все до единого...

— Я, сударыня, при деле состою, — вежливо поклонился

Шарль, снимая картуз и пытаясь им повторить движение, прилечствующее шляпе с пером или в крайнем случае цилиндру. — Самогоноварение искореняю.

— Ну да, ну да, — то ли усмехнулась, то ли похвалила женщина, пристально щурясь и перебирая коренья в корзинке. — Слыхивали мы, будто в Аттике или того южнее тамошние богатыри с мельницами ветряными воюют. Великая с того польза... Точь-в-точь как от твоего дела, касатик. Нужное оно, да только безнадежное, нескончаемое. Хорошо же, угодил ты мне.

Шарль тряхнул головой и улыбнулся. Вот она, в чистом виде, логика диких ликрейцев: сперва огорошить знанием того, что неучи знать не могут и что относится к разряду литературы философической, нездешней, тонкой и старинной. Затем отругать и признать бестолочью. И наконец похвалить. Все сразу, скопом. Думай, иноземец, что пожелаешь, понять-то тебе не под силу. Это ведь не понимать следует. Просто выслушивать...

— Бутыли с отравой еще не разбил? — ревниво уточнила женщина. — Так сунь в мешок и неси. Мухоморы на ядреном самогоне хороши. От ревматизма — самое то. От прострела, от радикулита тоже... Мешок в кустах, ты поищи как следует, не городи глупости.

Шарль звонко захлопнул рот, уже раскрытый для возражений: ведь не во что положить отраву! Пошарил в кустах и почти без удивления нащупал мешок. Пожалуй, он сильнее бы насторожился, не найдя одного. Не разгибаясь, Шарль бросил в пыльный, пахнущий отрубями дерюжный зев пять натужно булькающих бутылей из-под осветительного масла. И пошел себе от путей, углубляясь в лес.

— Сударыня, мой удел поднадзорного таков, что дальше трех километров от поезда магия меня не...

— Да рядом здесь, рукой подать, мсье Шарль. И не охай, с мое поживешь — и не такое знать будешь. Звать меня можешь Степанидой. Или Паней. Вот хоть тетей Паней, понял ли?

— Да, сударыня, — смутился Шарль, всматриваясь в мешанину неровных, будто пьяной рукой нанесенных, штрихов — древесных стволиков, карабкающихся в горку. Где прежде пряталась избушка? Ведь не было ее!

Бревенчатое строение с высокой двускатной крышей, стоящее на сваях, было древним и добротным. Древесина почернела и кое-где растрескалась, мох в щелях выцвел и частично обратился в труху. Но стекла в оконцах — тройные, надежные и ровные — имели до странности современный вид. Женщина поднялась на высокое крыльцо, распахнула дверь, на которой не было даже самого простенького запора, да и шагнула за порог. Шарль пожал плечами и двинулся следом. Миновал темные сени, нарочито и безоговорочно соответствующие всем ожиданиям: просторные, с зипунами в углу, с заготовленными вениками на стенах и под потолком, с двумя огромными сундуками в медной оковке. Мешок с бутылками, прощально звякнув, улегся как раз возле сундуков, тут ему самое место. Шарль потянул дверь, потоптался на коврике и, кашлянув для приличия, шагнул в дом, запоздало соображая: надо было, пожалуй, сапоги снять.

Горница — мысленно Шарль сразу назвал комнату именно так — оказалась велика, просторна и была наполнена светом. В углу добавляла уют ваза с цветами. Милые прошивочки украшали накидку на спинке диванчика и горку подушек. Посередине горницы уверенно упирался толстыми лапами в пол большой стол, покрытый скатертью серого льна. В глубокой миске поблескивали мелкие полупрозрачные яблочки, такие глянцевые и ярко-золотые, словно свет из них исходил. Степанида присела на табурет, рукой указала гостю его место у стола. Прихватила не глядя яблочко и сгрызла целиком. По лицу прошла тень изменения, омолодившая женщину.

— Не пойму никак, — удивился Шарль. — Вами используется оптика или это уровень мага-пси? Второе не должно на меня влиять, ошейник против магии лишает дара, но исключает и внешние воздействия...

— Умный, ой умный, — насмешливо прищурилась Степанида, теперь уже очаровательная женщина лет тридцати на вид, русоволосая, сероглазая, с легкими и гибкими движениями, соответствующими внешности. — Пойду я, на стол кое-чего споровю. Ты пока подумай. Яблоки мои и тебе могут преждее вернуть... А только того ль тебе надобно?

И ушла. Шарль снова потер затылок, опасливо косясь на миску с золотыми плодами. Остро и даже болезненно заняла душа, шевельнулось забытое и канувшее в прошлое, как каза-

лось еще утром, желание вернуть невозвратное: свое всепобеждающее обаяние мага-пси, джинна весьма высокого уровня, способного к обольщению и свободной лепке внешнего совершенства... Шарль прикрыл глаза, судорожно вздохнул. Представил, как идет по лесу к поезду, чернокудрый, синеглазый и восхитительный, как солнце сияет ему одному.

— Глупости, — рассмеялся бывший джинн и тряхнул головой, прогоняя видение.

Дальнейшее понятно. «Шарлик, аушеньки!» — всхлипнет все та же Ньюша, и не она одна. Такой-то, несовершенный — и то маркиз прячется от девок. Совершенного они всем поездом со свету сживут, восхищаясь и подкарауливая злее прежнего.

— Не сгодились яблочки, — довольно отметила Степанида. — Кваску испробуй. Без хитростей он, зато вкус хорош. Пирожки вот отдавай, тоже удались, с брусничкой.

— В ваших сказках после обеда кушают самих гостей, — заметил Шарль, не отказываясь от угощения.

— Да не надобен мне никто... пока, — прищурилась хозяйка избушки. — Вон — третий мой муж, на подушке я вышила персону, полюбуйся. Всем хорош, живем душа в душу. После обеда у нас в сказках обычно вопросы задают, и мой вопрос таков: тебе чего от жизни надобно, мсье Шарль? Покоя да достатка цивилизованного или все ж глупости нашей, вроде пера жар-птицыного? От какого сперва одни хлопоты, да и позже — ярмо на шею и людской пересуд.

— Ты — птица удачи? — осторожно уточнил Шарль.

— Нет, я просто в лесу живу, — подмигнула Степанида. — Давно живу. Ты отвечай, не тyani время. Тут, в моем лесу, и оно на моей стороне.

Шарль опасно покосился в окно, затем глянул на подушку с «персоной». Счел, что муж загадочной Степаниды похож на франконца. Смугловатый, большеносый и кудрявый.

— Когда я жил в башне и был джинном, мне представлялось, что покой и достаток — не так уж плохо. Но теперь... Не знаю. Ничто не вынуждает меня искать способ вернуться в родное имение, выкупить его и засесть в глуши, занимая себя разнообразным бездельем. Я не дал ответа?

— Так ответ не мне надобен, а тебе самому, — рассмеялась

Степанида. — Ладно же, борец с ветряными мельницами. Отпущу я тебя с миром, не враг ты Ликре и себе не враг, что куда важнее. Возьми подарочек. Когда жизни не станет, глядишь, он и пригодится.

Шарль недоуменно кивнул и смолчал. Женщина добыла из своей корзинки тонкую нитку с бусиной, сама надела на шею гостя и удобно завязала. Глянула в оконце, поправила косоворотку Шарля, быстро собрала пирожки в мешочек и пихнула в руки.

— Мой-то, гляди, вернулся с охоты, — улыбнулась она. — Бери гостинец да иди себе, Шарль. Дикий у меня мужик, потому и живем безвылазно в лесу. Весь, родимый, на ревность исходит. Сколь уже себя укоряла: заговорить бы его, норов поунять малость. Но не могу, дорог он мне, а что душе мило, в то с бабьим колдовством не следует лезть. Ни с каким не следует.

— Стефани! — с сильным франконским акцентом рявкнул голос у крыльца. — Да что же это, ма шери... Стефа, мы переезжаем к океану! Немедленно! Всюду враги, пьяные сиволапые дикари готовы штурмом брать мой дворец! Террибль...

Быстрые шаги простучали в сенях, дверь с треском распалхулась. Франконское происхождение мужа Степаниды было очевидно, а внешность показалась необычной и слегка знакомой. Длинные локоны старомодной прически, сухой нос с приметной горбинкой, бешеные темные глаза и шрамик у виска — светлым косым росчерком крыльев чайки. Шарль тихо охнул, вскочил и снова исполнил картузом движение, подобающее шляпе знатного и вежливого мсье маркиза из рода де Лотьэр.

— Однако же, Стефа, трезвый соотечественник, — поразился хозяин дома. Оскалился злее прежнего. — Мы переезжаем сей же час! Туда! Сэркль полер, и не ближе, уи... И побольше медведей, в охрану, уи.

— Мсье ле Пьери? — рискнул вслух высказать невозможное Шарль. — Мой бог, я учился сюр-иллюзиям по вашим заметкам, но я полагал, вы давно уже... Прошу меня простить, но как же это?

— Самые бесполезные и безопасные записи я не сжег, — самодовольно усмехнулся хозяин избушки, вдохновленный признанием своего величия со стороны соотечественника.

Снова покосился на жену. — Мон кёр... зачем ты притащила в сферу этого шпиона и врага хотя бы одной из наших родин?

— Он милый мальчик и уже повзрослел, — улыбнулась женщина. — К тому же он уходит, ему пора. Он напомнил мне прошлое. Ты явился на порог такой замерзший и запутавшийся в себе...

— Немедленно вон! — угрожающим тоном рявкнул хозяин дома, цепляя гостя под локоть и выпихивая в сени, а затем и за порог. — Стефа, ты должна жалеть только меня, я настаиваю! Марш, злодей! И беги резвее, мы отбываем.

Шарль ссыпался со ступеней крыльца, уже ощущая растущее беспокойство, дрожью отдающееся в каждой иголке пихт, гудящее невнятным шумом, свистящее разбуженным ветерком. О чудачествах мсье ле Пьери он слышал от всех своих учителей еще в ордене джиннов. Память, прежде исправно хранившая тайны юности в провалах темного забвения, вдруг высветила их ярко, как полуденное солнце. Ле Пьери, магистр ордена, легенда и сам по себе величайшее чудо. Его отправили в дикую Ликру сто лет назад во время войны. Дела были необратимо плохи, и казалось, лишь он способен хоть что-то исправить. Ведь до этого он не знал поражений! Чего стоит сгинувший без следа флот англов из тридцати боевых кораблей! Или войско ганзейцев, вышедшее на помощь союзнику и заблудившееся у стен собственного города на долгих десять дней, которые решили исход большой битвы... Еще говорили, что ле Пьери уже во время войны было более ста лет от роду и он не старел, что золота у него всегда имелось столько, сколько он желал, что власть его безмерна и ни один маг мира не в силах ей противостоять. И наконец, наверняка было известно: Эжен ле Пьери сгинул без следа, изведенный коварством ликрейцев. Со времени давней битвы при Бродицах его никто и не видел...

Ветер словно с цепи сорвался, завыл гончей стаей, завизжал. Шарль пригнулся и побежал быстрее, во весь дух, не оглядываясь и не выбирая пути. Небо мутнело, свет дробился, и само бытие, кажется, слоилось и потрескивало.

Знакомая лощина приняла в объятия, встретила запахом сивухи и болота. Шарль споткнулся на скользком спуске, упал и поехал вниз, шипя и охая, перебирая руками, но не пытаясь приподняться. Мир за спиной смялся, день почернел.

Ветер окончательно свихнулся и рычал басом, бил в затылок, не давая поднять головы.

А потом в единый миг все пропало — и темнота, и ощущение угрозы, и шум, и сам ветер. Шарль сел, мрачно осмотрел свою вымазанную в грязи и насквозь промокшую одежду. Потрогал шею, пытаясь нащупать нитку с бусиной, усмехнулся — нет подарка Степаниды. Сгинул... Или за ветку зацепилась нитка, или исчезла по воле ревнивого ле Пьери — вместе с избушкой. В исчезновении последней Шарль не сомневался, но все же выбрался на пригорок и придиричливо, старательно осмотрел лес. Кривоватые чахлые пихты, неспособные спрятать даже крупный мухомор, стояли точно так, как и прежде. Лес был пуст и тих.

— Однако измельчали мы, джинны, за сто лет, — посетовал Шарль. Вздыхнул и выразил еще одну претензию вслух, громко: — Совести у вас нет, мсье! Даже дикие сиволапые мужики возят своих жен на ярмарки и балуют! В столице Ликры, в Императорском, теперь наверняка дают «Священную весну», а вы такую женщину — и за полярный круг. Вы своей беспричинной ревностью позорите Франконию, мсье.

Высказав наболевшее, Шарль гордо отвернулся от безлюдного леса, подобрал мешочек с пирожками и, растирая ушибленный при падении бок, захромал к дальней, но уже наметившейся пунктирным штрихом насыпи железной дороги за лесом.

Голова похмельно ныла и трещала от мыслей. Разве можно заклятие оптического искажения упаковать в яблоко? И зачем себя, молодую и красивую — очень красивую — женщину, намеренно уродовать? Почти наверняка именно в доме Стефа была настоящей... Как может пребывать в здравии и выглядеть на тридцать с небольшим маг, который уже сто лет назад имел славу долгожителя? Почему он называл избушку дворцом и, если догадка верна, как умудряется прятать столь грандиозную иллюзию от опытных в наблюдении пограничных магов Ликры? Существует ли в реальности упомянутая мельком в одной из записей ле Пьери «сфера личного пространства», она же — сфера могущества, якобы ставшая для него с некоторых пор местом всевластия исключительного и непостижимого... И кто такая Стефа, в чем ее дар?

— Вся эта страна... — Шарль обличающе обвел рукой горизонт, утыканный однообразными пихтами, словно мелкими гвоздями, на каких растягивают тончайшие пуховые платки во время просушки. — Вся страна есть одно болото, набитое тайнами! Оно затягивает, оно душит и переделывает нас, чужаков. Скоро я вынырну и не узнаю себя! Террибль... и даже это уже не пугает.

Франконец прищурился, подмигнул горизонту и зашагал к поезду. «Даже железнодорожные пути в Ликре пьющие», — с легким раздражением думал он на ходу. Каждое лето люди ремпоезда наводят порядок: подсыпают и трамбуют щебень, проверяют и меняют рельсы. И каждую зиму плотно и насыпь досыта пьют, мерзнут, снова пьют — и к весне делаются непригодными к работе... Их опять восстанавливают, не считая ежегодный труд бесполезным или бессмысленным. Это, видимо, традиция — жаловаться на беды, но не впадать в отчаяние. Впереди еще девять лет жизни в ошейнике-блокираторе, без магии, которая иногда навязчиво снится и болезненно манит. Только Ликра уже впитала прежнего маркиза и переделывает все сильнее. Он понимает, что отсюда не вырваться, что так жить — тяжело. Но отчаяться не в состоянии. Люди кругом пусть и чужие, но душевные. Приняли как родного, и он тоже постепенно принял и их, и себя самого, нынешнего.

Нюша сидела на косогоре у хвостовых вагонов. Ждала упрямо, как умеют люди ее склада. Вздыхала, оглядывалась, снова подпирала подбородок белой пухлой рукой. Углядела, заулыбалась. Шарль подошел и сел рядом.

— Что тебе?

— Шарлик, а меня Лексей замуж зовет, — низким красивым голосом вывела Нюша. Толкнула плечом и захихикала, прикрывая рот ладонью. — Ты его от беспросветного-то пьянства отвадил, дык я и гляжу — справный мужик-то, ась? Ты мне толком поясни: он уже наемный, денежка в доме будет?

— Свои пять лет отбыл, — согласился Шарль. — В следующем месяце ему причитается первая выплата. Грозился на юг податься, к родне. Хороший кочегар, жаль...

— Да куды он от меня денется? — прищурилась Нюша, воинственно поправляя косу. Глянула внимательнее и жалост-

ливо покачала головой: — Рубаху-то съмай. Простирну. И штаны съмай. Вона — смена в мешке, держи.

— Откуда ты...

— С Корнеевой бабой мы кости твои перемыли, — тяжело, со стоном вздохнула Нюша. — Не наш ты, и нашим-то шутри не станешь. Так уж надежнее Лексей, вот... А стирать я тебе все одно буду, чтобы ты не пропал. И на борщ заходи.

— Дядь Шура! — запищал издали семилетний Федька, новая большая любовь Корнея: тот отправил родного внука в столичный колледж и страдал без малышни. — Дядь Шура, телеграмма!

Шарль давно смирился с многообразием вариантов искажения своего имени. Торопливо подтянув пояс, выбрался из зарослей, отдал грязные вещи Нюше, чувствуя себя отчего-то виноватым перед ней, пожал плечами и зашагал навстречу Федьке.

Дед Корней, пожилой начпоезда, любил подключаться к линии и подолгу сидеть на ключе, сплетничая с приятелями на станциях. Эта привычка была известна всем. И содержание телеграммы, великого события для всей малышни Федькиного возраста, Шарль знал наперед. Но принял у пацана вежливо, похвалил за расторопность и угостил пирожком, полученным у Степаниды. Развернул лист, прочел, хмурясь и важно кивая. Почерк у Корнея строгий, спины у всех букв прямые, верхушки колючие, точно как сам дед, тот еще упрямец.

«Предписываю завершении ремонта следовать главный северный путь тчк Поступить распоряжение узлового депо Боровичи целью формирования ремзвена первого класса тчк»

— Нюша, — окликнул Шарль женщину, — а ведь праздник у нас, пожалуй. Корней большим человеком становится. Раз ремзвено, значит, нам путеукладчик новый выделят и механизации прибавится. Да и людей...

— Зазря ты самогон-то извел, начальничек, — хихикнула Нюша.

Подхватила вещи да и пошла прочь, качая широкими бедрами. Шарль потер затылок. Это что же получается? Лексей опилки переводил в пойло, а эта его новоявленная невеста

гоняла впечатлительного инженера, помогая сбересть продукт?

— Дикая страна. То ей непьющий нужен, то самогон подавай... — снова вздохнул Шарль и зашагал к «трешке», вагону, занятому Корнеевой семьей.

Там же, в ближнем к паровозу купе, обитал и инженер де Лотьэр. Человек нездешний и даже Нюше, как теперь ясно стало, только для забавы интересный. Дохода-то у него постоянного нет: не наемный он, а поднадзорный... Спасибо хоть Корнею хватает ума и порядочности каждый месяц выписывать своему помощнику пусть малую, но премию.

ГЛАВА 2

Ликра, Белогорск, 8 августа

Баронесса Елена Корнеевна фон Гесс тяжело вздохнула, взглянув на замершую в дверях кухни Екатерину Федоровну. При пожилой певице ругаться было решительно невозможно. Та не умела грубо выражаться и не понимала, как баронесса может себе позволить упоминать зеленых чертей и тем более уточнять сочно и подробно, кому и какой именно родней они доводятся.

— Леночка, как можно, — всплеснула руками певица. — Полюшка разобрала каждое слово! У вашей милой крохи музыкальный слух, поверьте слову Алмазовой, именно так. Разве допустимо отравлять его столь преизрядно?

— Вдруг пригодится, — виновато и упрямо прищурилась баронесса. — Тетя Катя, в наше время обмороки немодны и бесполезны. Пусть лучше учится стоять за себя.

— Помилуй бог, да она еще и не ходит, а вы о баталиях помышляете! — строго поджала губы певица. — Между тем, душечка, вам пора. Я сама прослежу за борщом, именно так. Мой милый Семочка познакомил вас с исключительными людьми! Вам партитура подарена, у вас приглашение в императорскую ложу. Надобно прибыть за час до открытия занавеса, это самое малое, уж вы мне поверьте. Но вы отнюдь не одеты, это весьма, весьма дурно.

Лена дернула плечом, нехотя развязала передник, бросила на спинку стула. Временами ей совершенно не нравилось,

что баронессы должны быть вежливыми, дорого одетыми, к тому же обременены обязанностями. Но если твой муж барон, да еще декан вновь созданного инженерного факультета в высшем магическом колледже, если у тебя в гостях бывает начальник тайной полиции, а первый министр тебе почти родня, поскольку женат на сестре мужа...

— Теть Катя, и почему вы с нами не едете? — в очередной раз упрекнула Лена.

— Я была на вчерашней генеральной репетиции, — гордо сообщила бывшая оперная дива. — Это куда интереснее. К тому же никак невозможно бросить Полюшку без присмотра. Иди, душечка, тебе понравится.

— В эдаком платье, — поморщилась Лена и пожаловалась: — Да я в нем себя голой чувствую.

Она тяжело вздохнула и, не найдя новых поводов задержаться на кухне, привычной и понятной, пошла одеваться. В последнее время столичная жизнь угнетала баронессу, привыкшую к дикой вольнице ремпоезда, родной, веселой и, увы, невозможной с тех пор, как окончательно выяснилось происхождение мужа. Она смиренно приняла титул, но богатство, рухнувшее на плечи после того, как весной пересмотрели старые дела и отменили приговор Карлу фон Гесу...

— Сударыня, платье готово, — чопорно сообщила служанка, нанятая для присмотра за гардеробом. — Изволите надеть к нему фамильные гранаты?

— А то ж, и пояс со взрывчаткой, — хмыкнула баронесса, добывая из шкатулки шуршащие драгоценности. — Вот чертеняка Колька, во что меня втравил? Баронесса. И чем я думала, когда он предлагал свалить, а я возражала? Во, теперь и расплачиваюсь за ту глупость. Как кобыла в упряжи.

Служанка зашнуровала нижнее платье и помогла надеть верхнее, одернула, оправила и застегнула на шее фамильные гранаты в белом золоте. В приоткрытую дверь, стукнув по ней костяшками пальцев, протиснулся Карл. Заинтересованно оглядел жену, в темно-карих глазах замерцали огоньки. И Лена смирилась со своей «сбруей».

— Там все столь постыдно заголенные, Коль?

— У тебя скромнейшее платье, — подмигнул барон. — Ленка, не смотри на меня так, я уже не желаю ехать... Но мы

должны, нас Потапыч пригласил, его терзают послы из Арьи и Ганзы. Он рычит, отбивается, но ему одному тяжело. Ты обязана кокетливо вздыхать, мне велено ревновать и мрачнеть. Поскольку ты самая красивая женщина столицы, а я известный маг и смутьян, мы их отвлечем от Миха.

— Коль, почему так сложно? Оперу дают, мы вроде едем слушать.

— Леночка, проще не получается, неладно у нас в столице, — вздохнул барон и уселся в кресло, наблюдать, как жена натягивает перчатки, а ее служанка быстро и точно собирает рыжие Ленкины волосы в высокую прическу и закалывает шпильками с гранатовыми и жемчужными головками. — Арья требует проявить добрососедство и запланировать, а вернее, подтвердить визит к ним в столицу Береники, уже официально признанной магами птицей удачи. Цель ее поездки — встреча с канцлером, просветление общей удачи и общение с профессорами Дорфуртского университета.

— Шиш им! — топнула ногой Лена. — Моя Ренка не поедет к этим умникам на съедение.

— И Франкония просит о том же, слезно, — не меня повествовательного тона, продолжил барон. — Как ты знаешь, у них нет магов и они встревожены тем, что активизировался орден джиннов. Их собственный, исконно франконский, которым гордиться надо бы. Если бы власти имели на него хоть какое-то влияние... А так — и сами в страхе, и помощи у чужих магов попросить политически неудобно.

— Ладно, я этих послов буду так любезно рассматривать, что они позеленеют без всякой магии. Едем.

— Аттика тоже желает видеть Ренку. У них весной спускают на воду заказанные Новым Светом корабли, для небольшой страны это шумный праздник и огромные деньги. Как делать подобное — и без удачи? Ганза настаивает на присутствии птицы в Мадере. Эта провинция возжелала отделиться и стать основой для нового альянса в самом сердце Старого Света¹, — добавил со вздохом Карл. — Ленка, как хорошо было в нашем ремпоезде. Я бы сейчас сгонял на разъезд, ба-

¹ С т а р ы й С в е т — группа государств западнее Ликры, которые участвовали в открытии и активной колонизации Нового Света. «Ядром» Старого Света являются Франкония, Анголон, Ганзейский протекторат и Арья. Также в эту область входят Аттика, Норха и ряд малых стран западного океанического побережья.

рана купил, водочки... И пошел метелить в хвостовых вагонах всех, кто не спрячется.

Служанка испуганно замерла, глядя на своего нанимателя, мага и барона, высказывающего мечтания, нелепые для его высокого положения в обществе. Впрочем, все в доме чудно и не по правилам. В бальной зале еще зимой была автомастерская. Правда, она теперь переехала во флигель и под временный навес, а рядом строится большое новое здание... Но разве это что-то меняет? Барон что ни день выпачкан графитовой смазкой. Да и баронесса не лучше, еду сама готовит. Люд в мастерской работает простецкий, но в дом заходит так, словно тут все можно. Без всякого уведомления прибегают обедать самые случайные люди: те же студенты магического колледжа, постоянно голодные, шумные и нахальные, или журналисты из Тавры. В этой провинции все лето провела дочка хозяев со своим то ли приятелем, то ли охранником сударем Хромовым. Южные гости более-менее совестливые, пусть и нелепые, всегда прибывают с подарочками: салом в чесноке, самогоном, солеными огурчиками — и неизбежной мятой бумажкой, на которой рукой Семена Хромова написано: «Мама Катя, ему остановиться негде, пусть недельку погостит». Алмазова читает, вздыхает, смущенно поджимает губы и идет к баронессе обсуждать обустройство нахлебников, присланных приемным сыном. Их принимают без отказа. И гостинцы не рассматривают с брезгливостью, не выбрасывают. Непривычно...

Лена покрутилась, рассматривая себя в зеркале. Похвалила прическу, отчего служанка даже порозовела. Многие ли хозяева умеют ценить толково исполненную работу? Жаль, у этих, душевных, манеры вовсе не хороши. А поправлять шепотом — бесполезно.

Баронесса сунула под мышку веер, сцапала сумочку и решительно зашагала к главной лестнице. Все не по правилам: и дверь сама толкнула, своей рукой. А вместе с тем такое поведение ей идет и окружающими не осуждается.

— Коль, ты мне не врешь? — уточнила Ленка, спускаясь в бальный зал и осторожно пробираясь по узкой дорожке над взломанным перестилаемыми полами. — Я манерам не обучена, но ведь и умом не обижена. Потапычу ничего не грозит?

Корш был у нас третьего дня... Так не в охрану ли тебя, чертеняку, гонят?

— Лена, тогда бы я пошел в оперу без тебя, — убедительно оправдался барон. — Я бы ловко соврал, что иду резаться с Михом в бильярд... Лена, учти, на людях меня надо звать Карлом, это родовое имя...

— Меняй документы пореже, тогда напоминать не придется. Оба вы вимпири, ты да Мих, нашу с Фредди кровушку хлебаете, — хмыкнула баронесса, устраиваясь на заднем сиденье автомобиля. — Макар! Ты на бесхвостого беса похож в этой шоферской куртке. Ну-ка, выдай секрет, пока святой водой не обрызган и без ужина не оставлен: Сам избрал название для модели, направляемой в производство? И для заводских машин в целом?

Макар захлопнул дверцу, уселся на водительское место и без спешки повел машину в сторону города. На роль шофера господина ректора цыган с золотой серьгой в ухе походил мало, даже в умеренно новой и чистой куртке с гербом фон Гессов.

— Лен, не знаю, я на заводе не был уже неделю, — пожаловался он. — У меня скоро экзамены. Если справлюсь, сразу попаду на третий курс инженерного колледжа. Разве что такая новость: видел вчера Мари. Злая, ругается на всех наречиях, какие знает. Из чего я сделал логический вывод...

— Логический, — прищурился Карл. — Макар, скоро в родном таборе тебя перестанут понимать.

— Мой родной табор весь тут, — рассмеялся шофер. — В мастерской. Мне Ромка билет добыл в партер. Вот он и есть мой барон.

Возражений ни у кого не нашлось, и разговор прервался. Карл хмурился и думал о чем-то своем. Лена едва слышно возмущалась неудобством платья и оголенностью плеч. Она косилась на мужа, почти не скрывая тревоги.

Императорский театр, сохранивший и название, и убранство, и престиж первой сцены страны еще со времен правления династии Угоровых, сиял магическими огнями. Над фронтоном висела в воздухе объемная полноценная иллюзия Софьи Жемчужной в сценическом костюме. Иллюзия изредка улыбалась, оглядывала площадь и начинала распев-

ку дивным голосом, высоким и звонким. Вздыхала так, что часовые вздрагивали и задумывались о покупке цветов. И снова улыбалась.

— Чья работа? — уточнила Лена.

— Студенты Лешки Бризова расстарались, сам он тоже помогал, — охотно отозвался Карл. — Растет человек, с осени начнет читать у меня в инженерном курсе по паровым машинам. А троих дипломников уже отобрал, наши военные просили подыскать людей.

— Им бы еще Софью в армию заполучить, для деморализации врага, — усмехнулась Лена. — Красивая девочка. Наша тетя Катя ее как-то похвалила... давно, правда. Мол, для сцены данные имеются. А по мне, голос никакой, души в нем нет. Безразлично поет, телом и вздохами добирает. Наш Фредди-старший, привидение, дал мне послушать эхо голоса Алмазовой в ее лучшие годы. Тетя Катя была настоящая звезда.

— Тетя Катя и теперь бы спела лучше этой куклы, — согласился Макар. — Я вчера возил ее на репетицию. Она поясняла Софочке, как надо петь финал. Так даже уборщица прибежала, прямо с тряпкой в руках.

— И чего я вчера не поехала? — расстроилась Лена.

Поправила волосы и решительно выдохнула. Машина уже стояла перед главным входом. Вышколенный театральный лакей открыл дверцу. Карл вышел первым, подал руку жене и заспешил в театр, щурясь с оттенком насмешки. Еще весной Лена попросила избавить ее от участи жертвы светских сплетен. Должна же быть польза от умений мужа, чей немалый талант стихийщика и мага-пси признавали все! Карл ее желание исполнил. С тех пор любая попытка сделать фото восхитительной жены декана заканчивалась досадной неудачей. И светские репортеры вынужденно обходили вниманием несравненную сударыню Елену Корнеевну, ограничиваясь признанием очевидного факта: господин декан чудовищно ревнив и внешность жены дает для этого весомый повод...

Императорская ложа — название тоже сохранилось со времен династии Угоровых — была полупустой. Оба посла скучали в своих креслах. Отгороженное шторкой место правительницы Диваны традиционно пустовало. Огромное кресло Потапыча — тоже. Лена широко улыбнулась послу

Арьи и направилась к своему креслу, исправно соблюдая всплывшие в памяти ритуалы, дабы Карлу не было неловко за малость невоспитанную жену.

— Баронесса, счастлив знакомству, — воодушевился посол Арьи, едва Карл фон Гесс представил супругу. — Пригласите меня к беседе, умоляю. Я есть... немного не понимаю либретто. Но звучат намеки, весьма тонкие намеки: вы знаете автора и владеете партитурой.

Лена великодушно пригласила посла, улыбнулась еще приветливее. Покосилась на мужа: кажется, не собирается мешать чудить, даже вроде бы одобряет.

— Я знаю произведение наизусть, — скромно вздохнула баронесса. — Какая именно сцена вам неясна?

Посол просиял, шепотом предложил своему помощнику обеспечить для баронессы настоящие яблочные слойки арьянской кухни. Раскрыл книжечку с золотым обрезом и деликатно указал биноклем на середину листка. Лена изучила, повела бровью. Довольно провокационная для посольского любопытства сцена соблазнения героини злодеем. Хороший повод рассказать южноликрейскую легенду, которая легла в сюжет, спеть ее же в форме древнего сказа — посол этого явно не ожидал — и повторить в более современном звучании баллады, созданной «одним хорошим знакомым».

О том, что баронесса в голосе и шалит преизрядно, скоро знал весь театр. Звучание заполняло пространство под сводами свободно и уверенно. Сам по себе голос был интересен и настолько грамотно подан, что остаться вне газетных сплетен у баронессы на сей раз не было никаких шансов. Люди в зале рассаживались быстро и не вели обычных разговоров, затеваемых теми, кто пришел пораньше с целью завести знакомства, обсудить дела, послушать свежие сплетни. На галерке едва слышно шелестели: это та самая Елена Корнеевна, которой благоволит Алмазова, и если бы не муж-тиран и проклятый титул, она пела бы на сцене, а не сидела в зале, допуская упадок театра. Зрители исполняют партии куда лучше актеров, коим скоро выходить на сцену!

Ганзейский посол, каковы бы ни были его исходные намерения, тоже поддался общему настроению, даже пятна румянца проявились на сухих впалых щеках. Он довольно долго сидел в сторонке и вздыхал, соблюдая нейтралитет и по-

меня о несколько натянутых отношениях своей страны с Арьей. Но после второй версии баллады перебрался в соседнее кресло и тоже занялся изучением либретто вместе с баронессой. В партере уже хлопали и просили повторить сказ полным голосом...

— Лена, ты решила уничтожить премьеру? — ужаснулся барон, выныривая из-за портьер. — Этой Софье петь после тебя. Да она...

— Она вчера на репетиции безобразно всплила и назвала Алмазову глухой старухой, — тихо и отчетливо зло сказала Елена Корнеевна, снова улыбаясь послам. — Каждый человек, господа, имеет право на свои скромные интриги. Я желаю мстить выскочке, и никто мне не мешает делать это до третьего звонка. Что вам исполнить? Хотите арию из финала? В исходной партитуре, до того, как все порезали под посредственные голосовые возможности Софочки... Правда, у меня нет полной школы, голос не поставлен должным образом, со мной только начали работать, но я желала бы переманить к Алмазовой новых толковых учеников.

Карл тяжело вздохнул и покинул ложу. План отвлечения послдов от посторонних разговоров, а заодно от неслучайных и нежелательных знакомств исполнялся не просто успешно! Оба дипломата уже забыли, кажется, о цели своего визита в театр... Маг прошел по коридору. Увидел возле лестницы директора театра. Тот стонал и рвал на себе остатки волос, безуспешно пытаясь проникнуть за первую линию охраны и убедить баронессу не портить премьеру.

— Всего лишь нелепые слова, случайные! — Директор явно знал причину происходящего. — Да позовите сюда хотя бы господина барона, умоляю!

Карл шевельнул пальцами, наспех натягивая на лицо магическую маску: он не желал объясняться и терять время. Кроме того, даже для светских хроник интрижка директора с провинциалкой Софочкой была не свежей новостью, а унылым общеизвестным достоверным фактом.

Барон усмехнулся: Ленкина месть достигла апогея. Жена развлекалась по полной, позволив себя «уговорить» исполнить финальную арию. Возник повод для долгих споров, как правильнее называть ее сопрано с широким диапазоном и

дивным серебряным чарующим звучанием в самых верхних нотах...

— Что же мне, все отменить, на колени встать или... — уже почти рыдал директор.

Карл выбрался в фойе, безразлично кивнул директору, обошел его и сразу миновал вторую линию охраны, которая была явной, видимой всем и состояла не из магов. Людей в роскошных коридорах, на лестнице и собственно в фойе оказалось мало. Прибывающие вслушивались, недоуменно глядели на часы и торопились в зал... Карл внимательно обшарил взглядом помещение. Проверил настройку мембран, активность контуров выявления огнестрельного, холодного и магического оружия. Несколько усилил и подновил структуру опознания тех, кто находится в розыске. Проконтролировал коридоры, буфеты, помещения слуг, кухню. По лестнице взбежал на балкон, огляделся, снова отслеживая весь защитный механизм магии театра. Осмотрел издали оркестровую яму, обследовал партер, бельэтаж. Недоуменно нахмурился: левая ложа бенуара пуста, что немыслимо в вечер большой премьеры! Но так и есть... По второй лестнице Карл снова спустился в фойе и оттуда прошел в партер, раскланявшись с Бризовым, который одиноко прогуливался по пустым коридорам. Улыбнулся ректору магического колледжа Марку Юнцу: тот занял странное для своего статуса место у прохода, не самое удобное и не особенно престижное.

— Твоя жена имеет привычку растаптывать врагов, — с едва приметной улыбкой отметил Юнц. — Ходят слухи, директор вчера был груб и велел больше не пускать Алмазову за кулисы. Карл, почему ты позволяешь Лене срывать премьеру? Это банальное хулиганство.

— Не банальное, — шепотом возмутился барон, вслушиваясь в голос жены, тающий звонкими льдинками на той высоте, какая Софочке и не снилась. — Как ты смеешь? Она с первого посещения Императорского мечтала здесь спеть. И если у моей Ленки есть мечта, пусть исполняется. А вот директора можно и поменять...

— Вы дикари, — скривился ректор и отвернулся, снова цепко оглядывая партер. — Все благополучно? Можно давать знак службе безопасности.

— Ложа бенуара слева пустует.

— Бризов проверяет, кто купил билеты, которые не поступали в продажу, — промурлыкал под нос старый маг, не поднимая головы и явно задействовав защиту от подслушивания. — Три минуты даю, сходи и глянь, действительно ли пусто.

Карл кивнул и двинулся по проходу меж рядами, кое-как распахивая плотно стоящих людей, во все глаза глядящих в императорскую ложу. Самые расторопные уже примерялись бросать букеты, и сидящие близ ложи в партере маги из тайной полиции — Карл знал всех четверых — морщились и жевали губами заклинания опознания внешней угрозы...

Оркестр, предав директора, начал негромко, частичным составом, репетировать в точности то, что исполняла Ленка. Послы пригибались и вжимали головы в плечи, пропуская тяжелые букеты: пусть их перехватывают чиновники пониже рангом, им-то не зазорно походить недельку с исцарапанным лицом. Сами послы старались галантно ловить более легкие и маленькие букетики, их сразу передавали Лене и складывали на перила рядом с ее перчатками.

В ложе бенуара не было никого. Правда, магия опознавала пространство как *исключительно* пустое. Обычно так воспринимается место, намеренно очищенное заклинанием. Чьим? Почерк мага, старательно затертый, простыми методами контроля не опознавался, но казался смутно и неуловимо знакомым. Это было странно, но не давало повода счесть ситуацию опасной. Карл недовольно прищурился, но все же кивнул охране и заспешил в императорскую ложу.

Уже покидая партер, он краем глаза отметил движение кулис. Лена закончила арию, зал взвыл. Баронесса поклонилась, села, раскрыла веер и принялась обмахиваться.

— Бис! — осторожно попросили из зала.

— Судари, да бог с вами, — негромко удивилась Ленка. Чуть помолчала, доводя тишину до совершенства. — Я всего лишь повторяю с простотой дрессированного попугая то, чему летом меня учила Алмазова. До самой малой интонации. У Екатерины Федоровны есть ученицы и получше... Если вам угодно хлопать и нести цветы, хлопайте ей и записки пишите ей. Я передам.

Баронесса звучно щелкнула веером и откинулась в кресле, щурясь от удовольствия. Зал снова загудел. Свет люстр

приугас. Карл торопливо вышел в фойе, а затем на улицу. Прощупал взглядом площадь и окна домов, крыши, арки дворовых проездов. Фонари уже затеплились розоватым светом, слабым, не оспаривающим прав заката освещать город. Вечерние цветы на клумбах пахли сладко и даже удушающе приторно, сумерки пока что не обещали прохлады. Темные кроны лип главной аллеи шуршали и вроде чуть клонились к фонтанам, роняли первые листья, украшая розовую воду золотыми лодочками с тонкими черешками бушпритов...

По улице прошел на малой скорости «фаэтон» тайной полиции. Чуть погодя тяжелый автомобиль первого министра подкатил к парадному, Потапыч с женой быстро прошли в театр. И, если верить чутью, никто за ними не следил, а удача оставалась ровной и достаточно светлой...

— Мы все с ума сойдем из-за подозрительности Корша, — поморщился Карл, приходя в более спокойное и мирное настроение.

Проследил, как на улицу с бокового крыльца сбегает двое студентов из числа учеников Бризова, как следом выбирается из дверей багрово-синюшный задыхающийся директор театра.

— Точно менять? — еще раз спросил младший из магов. — Вернуть не сможем, сил не хватит. Тут объемная динамика с пси-компонентом.

— Точнее некуда-с, — обреченно махнул рукой директор. — Как условлено. Без объема вашего, просто вешайте афишку-с. В статике, как вы это называете-с.

— Масштабированная копия с настройкой под взгляд смотрящего, — назидательно пояснил тот же студент, явно набивая цену. — Эффект «лунной дорожки», пятый курс, профилирование по иллюзиям. Откуда ни глянь, афиша читается, она всегда лицом к зрителю.

— Пять рублей, это окончательная сумма, да-с, — отрезал директор.

— Можно звездочки мигающие для приманчивости...

— Не надо, у меня перед глазами уже бегают такие звездочки... — донельзя утомленным голосом пожаловался поклонник Софочкиной красоты.

Иллюзия поющей и вздыхающей дивы погасла, на ее месте соткалась из воздуха обычная афиша, сероватая, в точно-

сти подобная бумаге исходника, с рисунком и аккуратной каллиграфической надписью, исполненными пером от руки. Рядом с помпезным фасадом Императорского этот торопливый набросок, не получивший дальнейшего развития в красках и без прорисовки деталей, смотрелся неожиданно. Карл долго глядел на надпись и на портрет. Он был готов взорваться от злости, к тому же чувствовал себя обманутым, даже несколько смешным...

«Роберта Скалли. Единственное выступление»

— Пока я искал шпионов и бомбистов, женщины совершили государственный переворот, — поразился барон, снова прочтя афишу и все еще не веря себе. — Юнц ведь знал... Вот старый арьянский злодей! Не иначе нашел способ поухаживать за мамой Лео.

Сделав столь сложный вывод, барон развернулся и, не оглядываясь более, прошел в императорскую ложу. Первый министр сидел в своем кресле и норовил вежливо пообщаться с послами, смиряя рычащий бас до полусшепота. Баронесса была зажата у перил, в плотном окружении цветочных букетов, которые постепенно выносились слугами и охраной. Ленка прятала за веером улыбку победительницы. Карл сел рядом, разворошив букеты.

— Вы что вытворяете? И сколько вас в заговоре? — Он склонился к широким перилам ложи, скрыв лицо в тени, а голос — в магическом мешке приватной беседы. — Роберта не должна была отделяться от тени правительницы Диваны самое малое до зимы. Мы еще не подобрали нового человека. Фактически в стране сейчас нет правительницы, мы не можем предъявить ее во плоти.

— Да ладно тебе, утром появится опять, — сквозь веер шепнула Лена. — Пойми, все само собой сложилось. Береника приехала час назад, Лео знала о времени прибытия заранее, а тут дозрел скандал с Алмазовой. И мы с твоей мамой решили... А если твоя мама Лео что-то намерена сделать, то прочие могут скромно излагать свои доводы в пустоту или просто помолчать. Только маленькая Поленька способна переубедить бабушку, но она как раз выслушала благосклонно и весело сказала: «Агу». Мы решили, что утвердительно.

Кое-как переборов приступ похожего на кашель смеха, барон отогнал вставшую перед внутренним взором сценку: бабушка Лео планирует переворот, советуясь с внучкой, которой чуть больше полугода... И вот — доагукались! Нет сомнений, именно Лео-старшая вынудила директора сменить афишу и допустить на сцену Роберту. Она дебютировала в Императорском два десятка лет назад и теперь внезапно возвратилась на один вечер, чтобы в первый раз дочь могла увидеть ее такой — великолепной, настоящей, живой... Но никак не тенью призрака Диваны, эдакой сиделкой привидения, не имеющей ни своего мнения, ни даже своего лица.

— Да, характер у мамы несколько жестковат, — отдышавшись, признал Карл. — Но такой риск, Лена!

— Никакого. Корш в курсе, сюда согнали всех, кого можно. И я чудила по полной...

— Роберта хоть знакома с...

— Слушай, а для кого я добывала партитуру? — возмутилась Ленка и снова нырнула за веер, осознав, что неосторожным признанием разрушила все сказанное раньше относительно спонтанности заговора.

— Бедный директор. Вы его сожрали, — вздохнул барон.

— Нашел кого жалеть. Он несъедобный, вот чисто вампир! С ним разговаривали по-хорошему, Алмазова ему вчера в последний раз пыталась объяснить: у Софьи беда с голосом. Ей нужен врач, и не абы какой. Связки для певицы — это весь ее капитал, все достояние. Тут не ругаться впору, а на поклон идти и помощи просить. Но характер — одно, а гонор — другое. Ох, Колька, меня тут вчера не было, я бы им все пояснила. Внятно. А тетя Катя что? Ее враз обидели и не постеснялись: откуда у них стыд, у свинорылых?

Штатный маг театра завершил обход сцены, появился из-за кулис и еще раз отследил настройку заклинаний оптимизации акустики. Кивнул дирижеру, прикрыл глаза, вслушался в традиционные для последней проверки звуки органичных басов, ударных, а затем скрипки. Остался стоять у рампы, удивляя публику, уже притихшую и ожидающую большой премьеры.

Из-за кулис появился бледный, строгий и на редкость благообразный директор театра, деликатно откашлялся. Маг настроил и усилил звучание голоса.

— Судари и сударыни-с! — Директор говорил с легким придыханием, которое могло сойти за проявление нескрываемого восторга. — Наш театр хранит немало традиций, это одна из старейших сцен страны и, безусловно, для всякого артиста наиболее славная и значимая-с... Но и сам театр помнит каждого, кто внес вклад в немеркнущую славу Императорского, да-с. И вот сегодня мы с вами становимся свидетелями события воистину чудесного, мистически созвучного магии этой сцены и ее традициям-с.

Директор поправил розу в петлице и перевел дух. Зал зашевелился, не наблюдая мистики и подозревая подвох. Маг поднапрягся и развернул в полную высоту кулис старую афишу, оригинал которой ему подали. И следующую, и еще. Завсегдатаи загудели, узнавая тоненькую женщину со странными, чуть узковатыми глазами, словно всегда хранящими тень улыбки. Кто-то первым сказал: «Роберта». Директор оживился, указал рукой на зрителя в партере, как на своего союзника:

— Именно так-с, Роберта Скалли! Весь театр, а также ее поклонники были в отчаянии-с, когда она внезапно прервала свою карьеру, на взлете, да-с... Ее уже видели первым голосом этой сцены и прочили ей самые интересные партии. Это была утрата для нас. Но Императорский театр, — голос директора окреп, осанка обрела должную горделивость, — нельзя вычеркнуть из памяти-с, судари и сударыни. Эта сцена не отпускает, нет-с... И да, сегодняшняя главная женская партия словно создана для ее голоса-с... Того вернее, она писалась именно под голос сударыни Скалли, поскольку композитор всегда был одним из ее восторженных почитателей. — Директор хитро повел бровью. — Мы до последнего момента надеялись, но не решались объявить-с, однако теперь все сомнения развеяны, она вняла нашим мольбам, она не смогла не приехать-с, когда получила партитуру. Вернулась всего на один вечер, судари и сударыни, так что вы увидите и услышите то, что воистину неповторимо-с.

Директор значительно кивнул, маг сменил афишу на новую, уже знакомую Карлу и украшающую теперь площадь перед главным входом. Зал охнул. Карл позволил себе первым похлопать проходимцу, который столь ловко вывернул

правду наизнанку и опять выглядел победителем и даже героем...

Маг и директор удалились, иллюзия афиши медленно побледнела и сгнула, занавес колыхнулся. Оркестр ожил, наполняя театр звуком и готовя слушателей к началу большого действия на сцене. Лена шмыгнула носом, полезла за платком. Даже Попатыча проняло, он крикнул и присоединился к овациям. Немногим дивам удастся снова выйти на сцену после стольких лет вынужденного забвения, снова петь и быть признанными, снова ощущать то, что до сих пор помнит Алмазова, не раз сравнивавшая славу с шампанским, ударяющим в голову, ледяным и обжигающим одновременно.

Послы вежливо хлопнули в ладоши три-четыре раза и негромко попросили барона помочь с биноклями: он опытный маг, как не воспользоваться столь выгодным соседством. Карл любезно согласился припомнить полезные пустяки из общего курса оптики, хотя прекрасно знал, что по крайней мере посол Арьи сам наверняка справился бы с заклинанием. Но, как известно всякому, магия несовместима с дипломатией. Официально.

Первое появление Скалли публика встретила несколько настороженно, но голос Роберты безусловно был хорош и, сверх того, обладал чарующим тембром, находящим созвучие напрямую в душе, обволакивающим весь объем зала...

Опера продвигалась к антракту весьма успешно, зал принимал с воодушевлением и музыку, и исполнение партий, и декорации, и костюмы — все те детали, которые иногда складываются в нечто целостное и уникальное, недавно названное директором чуть высокопарно — магией сцены. Иногда, но не всегда. Вокруг Роберты чудо свершалось исправно и даже охотно. Представить кого-то иного на месте этой женщины — хрупкой, невысокой и совсем не изменившейся за годы вне сцены — становилось уже невозможно. Она не утратила дивного голоса и обаяния вечного ребенка, более чем подходящих к сегодняшней партии.

Лена несколько раз стирала слезинки, послы едва слышно вздыхали и действительно были в восторге. Барон хмурился и сердился на матушку, управляющую дворцовой охраной. На Евсея Оттовича Корша, начальника тайной полиции, и заодно — на всех врагов власти, настоящих и гипотетических,

мешающих ощущать прелесть оперы, не позволяющих сосредоточиться на сцене. Надо, увы, делать иное дело: отслеживать зал. Перемещения людей, намерения, эхо эмоций. Ложа бенуара давно не пустует, сама по себе она не копит угрозы — там Береника, теперь барон окончательно разобрался в своем восприятии фальшивой пустоты, даже чуть расслабился: в присутствии птицы удачи дурное происходит редко. Но ведь, с другой стороны, следует и ее включить в число охраняемых. Любимую дочку, пусть и не родную по крови.

— Лена... — Едва занавес качнулся и зал зашумел, Карл снова создал защиту от подслушивания. — Лена, чуди как угодно, но в антракте никого не должны подводить к послам и представлять. Фредерика в курсе, поможет.

Закончив с указаниями, барон подмигнул сестре и удалился еще раз проверить фойе и буфет. Он слышал, как жена щелкнула веером и предложила послам пари: если ей верно и подробно изложат рецепт слоев с яблоками, она с первой попытки сама выпечет подобные, ничуть не хуже. В призы коварная рыжая певунья зачислила партитуру оперы, оригинал с указаниями автора на полях и пометками самой Алмазовой, а потому имела все основания сделать торг поводом для отмены всех иных дел, по крайней мере до конца антракта.

Уже в коридоре, за линией охраны, Карл поймал слугу с подносом. Изъял визитку и конверт, изучил первую и бесцеремонно вскрыл второй. Сам Соболев желал пообщаться с послом Ганзы и звал его на большой ужин...

— Я передам, — пообещал Карл слуге.

Он сунул бумаги в карман и направился дальше. Обошел балконы и спустился в партер, кивнул Марку Юнцу и двинулся по залу к сцене, неторопливо и вальяжно, словно разыскивал знакомых, — а их в театре и правда было немало. Карл кивал, ненадолго задерживался и перебрасывался с посетителями ничего не значащими фразами. Постепенно, шаг за шагом, барон добрался до самой ложи бенуара. Выглядела она по-прежнему незанятой, но теперь, после активации заклинаний, почерк мага, строившего полную объемную иллюзию пустоты, читался куда проще. И давал повод гордиться уникальными способностями Леопольды фон Гесс, ведь она овладела магией уровня, который прежде считался для жен-

щин за пределами. Впрочем, когда на первичном отборе в колледж на сто претендентов приходится от силы две девочки, обоснованные выводы о талантах делать сложно. Магия никогда не считалась женской профессией, а уж пси-уровень, воздействие на сознание и бессознательное, долгое время относился к дисциплинам, строго запрещенным для изучения слабым полом. Соответствующее решение международной конвенции магов Марк Юнц любил называть «Манифестом перепуганных подкаблучников», намекая на сложный комплекс из ревности, уязвленной гордости, шовинизма и предрассудков.

Береника улыбнулась и кивнула названному отцу. Карл уловил движение, чуть качнувшее блики света в иллюзии. Развернулся и зашагал обратно по залу.

Промельк движения за плечом сидящего в пятом ряду сухопарого военного в парадном мундире конной гвардии содержал угрозу, однако она распозналась только по скачку напряженности темной удачи, тоже мимолетному. «Птица удачи оказалась в ложе весьма кстати», — отметил Карл. Он задержался возле шестого ряда и всмотрелся в согнувшегося и испуганно охнувшего человека, прячущего пораненную руку. Заодно барон позволил себе короткую радость: Береника убрала всплеск тьмы без особых усилий.

— Позвольте помочь, — самым любезным тоном предложил Карл, рассматривая того, кто минуту назад пытался совершить убийство и теперь затравленно озирался, не в силах унять кровотечение в собственной разрезанной руке. — Вам дурно. Эта ужасная духота... Старые театры со временем начинают пахнуть пылью, не находите?

Зал Императорского так устроен: он гасит практически любую активную магию, кроме контактной. Как только Карл коснулся руки раненого, звуки голоса обрели полноту воздействия направленного пси-влияния. Сидящий расслабился и обмяк, послушно закивал, по-прежнему пряча поврежденную руку под полой фрака. Соседи засуетились, взволнованные и состоянием человека, и эхом пси-воздействия. Помогли Карлу: уступили проход, сами подтолкнули «больного» и подали его трость.

Барон ловко обхватил подконтрольного задержанного за талию и повел к выходу, как куклу: своей волей переставляя

ноги и уверенно нашаривая взглядом подходящих помощников. Из-за спины вывернулся студент Бризова.

— Декан, небольшое дело, пустяк, — захныкал он ядовито шипящим громким шепотом. — Моя зачетка... Вы понимаете, это совершенно никак нельзя отложить до осени.

— Человеку плохо, извольте отложить хотя бы до завтра ваше разгильдяйство, — строго велел Карл.

Парнишка покаянно кивнул и принялся торопливо и бестолково расстегивать верхнюю пуговицу рубашки бледного безвольного арестанта, заодно затягивая на шее «куклы» тонкую плетеную петлю противوماгического ошейника. После чего подхватил жертву под вторую руку и помог вести к выходу. В фойе их уже ждали люди Корша.

— Живой, — поразился старший маг-дознаватель, принимая арестованного. — Я, признаться, не надеялся.

— Береника что-то учудила с тем, кто страховал дело, — тихо и быстро шепнул Карл. — Балкон, первый ярус. Короткий всплеск тьмы невезения. Береника выравнивала фон удачи резко, как бы сам злодей не получил удар.

— Место восемнадцать, если не ошибаюсь, — кивнул дознаватель. — Уже проверяют. Мы вам так признательны, барон...

Карл отвернулся, сочтя дело законченным, и заторопился в ложу. Антракт подходил к концу. Лена одна билась с послами и теми, кто желал представить им некое лицо, задействованное в сегодняшнем спектакле, все ярче разворачивающемся вне сцены.

— Одна ария — и я знаменита. — Баронесса встретила мужа сияющей улыбкой, исполненной гордости и даже тщеславия. Махнула крепко сжатыми в пальцах визитками и конвертами. — Не ведаю, все письма мне или не все, но я не позволила вскрыть ни единого до твоего появления. Я порядочная женщина, только мой муж имеет право решать, кого из написавших убить на дуэли, а кого — прирезать в подворотне.

— Ваша жена есть... необузданно темпераментна, — восхитился посол Арьи, с тоской наблюдая перемещение невскрытых конвертов в руки барона. — Это мило, но слишком по-ликрейски. Господин фон Гесс, ставлю вас в известность: я приглашен к вам в гости. На блины. Мы все приглашены, и

я полагаю, ничто не помешает мне сегодня ненадолго пропасть из посольства.

Хмуро и молча, как и подобает ревнивому мужу, Карл рвал конверты и читал записки. Послы понимали, что происходящее более похоже на цензуру, чем на ревность, но обаяние Лены признавали, принимая тем самым и право барона ревновать красивую жену, к тому же способную петь не хуже звезд Императорского.

— Ходят слухи, вы месяц назад в первый раз вышли в большой свет после рождения ребенка и только единожды блеснули на балу, сударыня Елена, — посочувствовал посол Ганзы, наблюдая за тем, как барон испепеляет магией листок и перегибается через перила, разыскивая виновника.

— Мне нравится домашний уют. — Лена натянуто улыбнулась, когда в зале зашелся кашлем ни в чем не повинный поклонник ее голоса.

— Дикая страна, — едва слышно буркнул себе под нос посол Ганзы.

«Кажется, — осознал Карл, — он все же поверил в представление». Барон отдал арьянцу пачку конвертов, которую тот неловко принял и начал разбирать на две стопки, передавая помощнику посла Ганзы его долю корреспонденции.

— Адресованные вам не вскрывал, — с долей раздражения бросил Карл. — Хоть и уверен: на самом деле там все те же слова, предназначенные все тому же лицу. Леночка, прости, но это невыносимо. Я искал себе жену и строил наш брак много лет! Пусть они тоже трудятся сами и не зарятся на мое сокровище.

Свет люстр начал бледнеть, обозначая завершение антракта. Получив столь яркий образец самодурства барона и сочувствуя баронессе, послы повели себя забавно: оба, не сговариваясь, принялись вскрывать конверты и демонстративно читать записки, делая вслух пояснения. К своему смущению, они поняли, что барон прав: большая часть посланий имеет весьма восторженный тон и начинается с просьбы передать комплимент «дивной Елене».

— Меня сегодня дважды пытались свести с неким господином Зотовым, — отметил посол Арьи, завершив просмотр писем. — Но я не заинтересован в тайных делах, я есть новый человек в вашей стране и не желаю иметь дурной репутации.